

=====

От редакции. Предлагаемый читателю пятый номер журнала является специальным выпуском. Он подготовлен Институтом Европы РАН и Ассоциацией европейских исследований (АЕВИС, www.aevis.ru). АЕВИС создана в 1992 году и является одним из соучредителей Всемирного объединения европейских исследований (ECISA-World). В настоящем номере представлены статьи членов АЕВИС, в том числе председателей региональных отделений ассоциации.

УДК 327.5

Алексей ГРОМЫКО

ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (европейский ракурс)

Аннотация. В статье анализируется переходный период международных отношений с точки зрения формационного подхода к их истории. Автор подчёркивает, что к началу нового столетия мир впервые в истории стал истинно глобальным, особенно в рыночном понимании. Однако новый переходный период возродил процессы де-глобализации. Выражением этого стали, например, экономические санкции против России и контрсанкции, лоббирование проектов зон свободной торговли с оттеснением от них нежелательных геополитических конкурентов. Автор задается вопросом: Что может стать залогом успеха в условиях иерархической полицентричности? Это стратегическое мышление, выстраивание “пояса добрососедства” (коалиций и союзов, в крайнем случае – пояса нейтральных стран). Автор отмечает, что предложенный набор необходимых конкурентных преимуществ поставил бы перед Россией и Евросоюзом важные вопросы об их готовности и способности успешно преодолеть эпоху “большой дестабилизации”.

Ключевые слова: международные отношения, формационная теория, глобализация, полицентричность, многополярность, отношения России и Евросоюза.

© Громыко Алексей Анатольевич – д.полит.н, директор Института Европы РАН, президент Ассоциации европейских исследований (АЕВИС). Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. E-mail: alexey@gromyko.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520150513>

Европа, цивилизационно раскинувшаяся от Атлантики до Тихого океана, всё глубже втягивается в переходный период международных отношений (МО). Все новые испытания проверяют на прочность расположенные на её пространствах страны и организации. События последних лет делают востребованным изучение современных МО с точки зрения их цикличности как череды своего рода транзитов, для которых характерна высокая степень нестабильности, приходящей на смену периодам благополучия и поступательного развития. К таким размышлениям подталкивали и юбилейные даты 2015 года: Венского конгресса 1814–1815 гг., Крымской и Потсдамской конференций 1945 г. и создания ООН¹, Хельсинкского заключительного акта 1975 г. и др.

В сравнении с когда-то эталонной теорией социально-экономических формаций, предлагается формационный подход к истории МО с точки зрения смены одной структуры другой, каждая – со своим базисом и надстройкой. Если та, классическая теория и была до определённой степени верна, то она выработала свой потенциал в XX веке, который не привёл к отмиранию капитализма и рыночных отношений. Но и коллективистские принципы с распадом социалистической системы не ушли в прошлое. Вместо этого всю вторую половину прошлого столетия шёл процесс социализации рынка и индивидуализации коллективного сознания.

Формационной теорией “наоборот” могла стать концепция “конца истории”, предположившая триумф индивидуального, рыночного начала. Но так не произошло. Маркс не победил, но не победил и фон Хайек. Верх взяла интегральность – использование составляющих и рыночной теории, и теории государственного регулирования для поиска приемлемого баланса между индивидуальным и коллективным, государством и обществом, рынком и социальными ценностями, моралью, нравственностью. “Концом истории”, в определённом смысле, может стать именно такая интегральная социально-экономическая формация.

Однако, даже если это так, такая формационная законченность мало связана с циклами стабильности и нестабильности. Большие идеи прошлых веков к концу XX столетия, возможно, и пришли к некому симбиозу, но это не уберегло новый век от потрясений, которые развёртываются на наших глазах.

Классическая формационная теория на стыках формаций ставила на пьедестал социальные революции. Структурные изменения МО также сопровождались и продолжают сопровождаться продолжительными всплесками насилия². Рамочные обустройства новых механизмов отношений между государствами — упомянутые выше международные встречи и договоры, а до них и Вестфальский мир 1648 года, ставили точку (точнее многоточие) после долгих временных отрезков войн и противоборства. Государствам ещё ни разу за историю их взаимодействия не удалось пройти через такие стыки реформирования МО без применения в отношении друг друга, прямо или косвенно, грубой силы. Последняя применялась регулярно и в ходе “благополучных фаз”, но с меньшей степенью интенсивности. Даже эйфория после окончания холодной войны не смогла переломить этот пе-

¹ О 70-летию ООН, как о крупнейшем международном событии 2015 г. см.: [Лавров, 2015].

² О соотношении формирования полицентричности и нестабильности см.: [Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2014 г., 2015: 3].

чальный закон истории. Грубая сила, вопреки завышенным ожиданиям о грядущем верховенстве силы “мягкой”, быстро вернулась в международную повестку дня.

Базисом формаций МО также является экономика, но не только. Это и цивилизационно-культурный, и религиозный, и ценностный факторы. Их переплетение создаёт фундамент для “надстройки” — структур и механизмов, а также человеческого, субъективного фактора, с помощью которых выстраивается на каждом последующем этапе истории МО новая иерархия государств и их альянсов, а теперь и негосударственных игроков. После Вестфалья МО опирались на принцип “государственного суверенитета”, который после Вены был дополнен принципом “концерта держав”. Ялта и Потсдам привнесли в МО, благодаря ООН, принцип международного права и легитимности, а позже к нему, в ядерный век, добавился принцип “гарантированного взаимного уничтожения”. Обращает на себя внимание то, что эта череда смены формаций МО имела накопительный характер, когда прежняя формация всецело не отмирала, а частично “переливалась” в новую.

Формационная надстройка МО – не политическая в прежнем идеологическом значении, так как политика уже давно не является ни сугубо капиталистической, ни социалистической, ни исключительно какой-либо другой. Так, “коммунистический” Китай (с его масштабным использованием рыночных отношений) — уже давно фигура речи, как и “капиталистические” Соединённые Штаты, не говоря уже о западноевропейских государствах (с их массивным использованием государственного регулирования)¹.

Формационная история МО сопровождается не только цикличностью насилия, но и цикличностью шаблонов региональных и мировых конфигураций силы. Например, явно прослеживается цикличность многополярности² и как её составляющей – европоцентризма, который, казалось, ушёл в прошлое с установлением биполярного мира, затем, в 1990-е гг., возродился как ожидание и даже как предвкушение, и вновь стал уходить в тень на рубеже двух первых десятилетий XXI века. Особо ярко это проявилось с новой кризисной волной (своего рода “девятым валом”) – на этот раз миграционной, захлестнувшей ЕС вслед за кризисами экономической и социально-политической природы. Иной ритм “взлётов и падений”, например, у Китая, развитие которого уже длительное время представляет собой повышательную кривую.

Россия на этом фоне находится в зоне неопределённости. Насколько устойчив ещё недавно уверенный тренд укрепления её позиций – зависит он целого ряда условий, прежде всего человеческого фактора, качества государственного управления, международной конъюнктуры и, в конце концов, благоприятного стечения обстоятельств.

Можно говорить и о цикличности процессов по уплотнению и ослаблению “ткани” международных отношений. Глобализация, понимаемая в широком смысле, шествовала по Планете последние несколько столетий. На этом пути откаты в построении “большой деревни” (пиковые – в годы двух мировых войн) сопровождались компенсационным, а затем и поступательным движением вперёд. К

¹ О сочетании идеологии и политики см., например: [Кременюк, 2015: 300–301].

² О цикличности глобальной многополярности см., например: [Blagden, 2015: 333–350].

началу нового столетия мир впервые в истории стал истинно глобальным, особенно в рыночном понимании. Однако новый переходный период МО вновь возродил процессы разукрупнения, на сей раз – в виде де-глобализации¹.

Выражением этого стали, например, экономические санкции против России и контрсанкции, лоббирование проектов сверхбольших зон свободной торговли с одновременным оттеснением от них нежелательных геополитических конкурентов (например, ТТИР и ТРП). Одновременно с этим, процессы региональной интеграции, которые до недавнего времени рассматривались как комплементарные в отношении самой глобализации, теперь всё чаще предстают в терминах противопоставления, что наглядно показал украинский кризис.

Другой характеристикой нового времени становится каскадное развитие МО – своего рода переливание проблем из области внутренней политики во внешнюю, как и наоборот, из одной области международных отношений в другие. Так, возрастающие трудности во внутреннем развитии ряда постиндустриальных стран мира, включая западноевропейские, сыграли свою роль в углублении нескольких региональных кризисов, включая иракский, ливийский, йеменский и сирийский. В свою очередь ливийский кризис привёл к ухудшению ситуации в ряде прилегающих к Ливии африканских государств, сирийский кризис – к ухудшению отношений между Россией и Турцией, а в целом появление “арки нестабильности” от Ливии до Афганистана вылилось в миграционный кризис для всей Европы. Развитие череды кризисов по периферии Европы было и функцией борьбы государств за региональное влияние, что особенно проявилось в противостоянии Ирана и Саудовской Аравии.

В то же время элементы внешнеполитического сотрудничества между государствами могут способствовать положительным сдвигам в их собственных взаимоотношениях, что показало успешное завершение переговоров по “иранской ядерной программе” или укрепление сотрудничества Франции, России и других стран в борьбе с “исламским государством”.

Каскадный эффект ведёт к кумулятивному эффекту, когда целые регионы накрывает “идеальный шторм”, как это случилось в последние годы в Северной Африке после “арабской весны”, на Ближнем и Среднем Востоке. Внешнеполитические ошибки или бездействие приводят также к “эффекту бумеранга”. Так, внешнеполитические акции Британии и Франции в Ливии в 2011 г., а затем неспособность ЕС стабилизировать ситуацию в своём “мягком подбрюшье” – Средиземноморском бассейне – резко усугубили проблемы незаконной иммиграции и внутренней безопасности.

В значительной степени геополитика вновь вступает в свои права². Географическое положение и границы возвращают себе одну из ключевых ролей в определении веса того или иного центра силы и влияния. Отсюда, например, во многом разное прочтение украинского кризиса в Европе и за океаном, как и разное прочтение миграционного кризиса. Отсюда разные критерии эффективности внешней политики, когда, например, для США дестабилизация Средиземноморского региона неприятна, но терпима, не существенна с точки зрения безопасности нации. А

¹ О рисках несущих механизмов глобализации см.: [Портанский, 2015].

² О значении фактора геополитики см.: [Miller, 2015: 41–50].

для Европы допущенные там внешнеполитические ошибки, провалы или бездействие принимают всё более экзистенциальный характер, выливаются в гибель тысяч людей, в прямую угрозу традиционному европейскому образу жизни, в коррозию европейской модели социального рынка, в усиление ксенофобии и экстремизма.

Новый период МО отличается ростом терпимости к рискам. Европейские большие войны уже давно стали частью истории, страницами из учебников, а локальные конфликты на периферии Старого Света, например, в Югославии, расценивались как временные трудности, расчищающие дорогу для более успешного развития региона в целом. Европа многие десятилетия в основном жила в условиях достаточного изобилия и благополучия. Но несмотря на почти всеобщую популярность в Евросоюзе концепции “мягкой силы”, которую в первой половине 2000-х гг. стали считать одной из его главных ценностей, неприятие принуждения со временем стало притупляться. Уже с конца 1990-х гг. ряд государств-членов ЕС, вслед за США, стали всё чаще допускать применение “жёсткой силы”. Под это подводились разные концептуальные базы, например, “ответственность по защите”, “гуманитарная интервенция”, императив нераспространения ОМУ, “смена режима”, “цветные революции” как способ переформатирования постсоветского пространства и др.

Современные МО характеризуются и тем, что можно назвать “мстью истории” (последняя, как известно по Ключевскому, мстит за невыученные уроки). История словно возвращается к нам вновь и вновь, чтобы напомнить об ошибках прошлого, или о том, что некогда принятые половинчатые решения рано или поздно приведут к новому кризису, или о том, что даже успешные в прошлом способы решения тех или иных проблем устаревают и надо искать новые “развязки”. Например, пакт Сайкса-Пико 1916 года для своего времени был определённым способом решить проблемы Ближнего Востока, но проведённые тогда границы стали своего рода часовым механизмом со взрывоопасной начинкой. Другой пример – распад Советского Союза, который подвёл черту под биполярным периодом мировой истории, но стал лишь началом для до сих пор не закончившегося процесса по переформатированию постсоветского пространства. Или авантюрное вторжение в Ирак и позже – вмешательство во внутригражданский конфликт в Ливии – запустили маховик хаоса и насилия, амплитуда раскачивания которого лишь увеличивается.

История напоминает о себе и посредством “феномена Франкенштейна”, когда попытки социальной и политической инженерии, национального и государственного строительства с помощью внешнего управления, ориентированного на некое “созидательное разрушение” приводят к трагическим последствиям. Наиболее разительные примеры этого – украинский кризис или использование во внешнеполитических целях ряда государств таких организаций, как Талибан, аль-Каида, так называемое “Исламское государство”.

Если продолжить тему образов, то можно порассуждать и о “феномене Титаника”, другими словами – о том, что определённые организации или структуры (государственные, деловые и т.д.) “слишком важны, чтобы потерпеть неудачу”. С новой силой такой принцип вышел на первый план с началом мирового экономического кризиса в 2008 г., когда государства спасали “системные банки”, некоторые из которых фактически обанкротились. Заблуждение о непотопляемости,

незыблемости той или иной структуры проявляло себя в истории много раз. Например, все без исключения европейские империи когда-то казались вечными. Похожая участь постигла и Советский Союз, распад которого мало кто предрекал ещё за год до декабря 1991 г. Затем, в 1990-е гг., грозные вызовы центробежных тенденций встали уже перед самой Россией, а в последние годы – и перед Европейским союзом¹.

То, что называют объективными законами истории (социально-экономические факторы, производительные силы и производственные отношения), безусловно, важны и для формационной истории МО. Однако в ней особенно сильно влияние ментальных и когнитивных конструкций, которые зачастую отличаются косностью стереотипов. Это отставание в мышлении хорошо известно, например, с точки зрения разрыва между уровнем знаний и технологий, с одной стороны, и инерционностью в поведении и действиях людей – с другой. Ядерный век высветил эту проблему со всей наглядностью. Другой пример – мучительный процесс модернизации Европейского союза для выхода из постигнутого его комплексного кризиса, как и мучительные попытки модернизации России.

В отличие от классической теории формаций история МО не отличается линейностью и, более того, имеет многоскоростной характер движения. В марксистской социологии и философии истории доминирующим фактором была идея прогресса к идеальным и совершенным коллективным формам организации общества. Зигзагообразность развития, движение вспять допускались, но лишь как временные явления, бессильные перед “объективными законами истории”. В отличие от этого, формационный подход к МО не предполагает, что на каждом новом этапе истории международных отношений их субъекты поступательно движутся в одном направлении, пусть и разделённые на лидеров и догоняющих. Эти субъекты, переходя из одной системы МО в другую, могут сохранять свою природу, адаптируясь к изменяющимся условиям международной среды.

Определённым выражением такого состояния дел служат концепция цивилизаций С. Хантингтона, и концепция Р. Купера о домодернистских, модернистских и постмодернистских государствах. В обоих случаях считалось, что в мире сосуществуют чрезвычайно давние по времени структуры, подчинённые “медленной истории”. С позиций формационной истории МО и в отличие от теории социально-экономических формаций это означает, что переход от одной формации МО к другой далеко не всегда и не во всех случаях сопровождается качественным изменением природы её субъектов (или объектов). Такой эффект с точки зрения прогрессивной “современности” подчас принимают за “варваризацию” МО, исторический релапс, попятное движение истории.

Например, такую варваризацию прослеживают в деструктивных процессах на Ближнем и Среднем Востоке, в исходящем с этой территории насилии на европейский континент. В действительности речь идёт, скорее, о том, что определённые субъекты “медленной истории” (например, глубоко религиозные исламские режимы, с одной стороны, и народы христианской цивилизации, – с другой, а среди последних – и категория по своему фундаменталистских светских режимов) в процессе формирования новой формации МО, т.е. в ходе очередного транзита,

¹ О масштабности рисков в развитии ЕС см.: [Борко, 2015: 7–16].

сталкиваются на новом витке перераспределения силы и влияния в мире, и, к сожалению, сталкиваются в очередной раз с помощью методов насилия. Причём, речь идёт не только о столкновении с “другим”, но и в рамках одной веры, что особенно наглядно проявляется в отношениях между суннитами и шиитами.

Если формационная концепция истории МО в своих основных допущениях верна, то для неё большую важность приобретают категории географического расположения (“смирительная рубашка географии”), а значит и геополитики. Скорость глобализации, особенно возросшая после окончания холодной войны, позволила утвердиться расхожего представления о том, что географическое расположение участников МО, в первую очередь государств, их границы, размер, количество и состав населения, другие имманентно присущие особенности, размываются и теряют своё значение. Считалось, что вместо этого на первое место выходят факторы политического устройства, “универсальных ценностей”, взаимоотношения между государственной надстройкой, индивидуумом и “гражданским обществом”.

Представляется, что ожидания того, что МО качественно изменятся благодаря влиянию глобализации посредством нивелирования и унификации их субъектов оказались чрезвычайно завышенными. В целом речь идёт о категориях “медленной истории”, “истории структур”, которые подспудно обуславливают поведение субъектов МО. Среди наиболее давних из таких категорий – география, границы, культура, идентичность, религия, язык¹; из более поздних – национальное государство, суверенитет, нормы взаимоотношений на международной арене. Отсюда большая сопротивляемость одних структур попыткам их видоизменения со стороны других, например, противостояние вестернизации в странах традиционной культуры, или наоборот – противостояние со стороны постмодернистской культуры попыткам европейских доморожденных анклавов традиционной исламской культуры распространить своё мировоззрение на окружающее их светское, во многом атеистическое окружение.

Происходящий транзит МО застал Европейский союз в ситуации, когда это региональное объединение переживало не лучшие времена не только с точки зрения социальной и экономической. ЕС после мегарасширения 2004 г. и в условиях обсуждения проекта европейской конституции пребывал под впечатлением гарантированности своего статуса ведущего центра влияния XXI века. Провал ратификации конституции и мировой экономической кризис перечеркнули эти надежды. Будущее ЕС перестало видеться как неизбежный прогресс, восходящее линейное развитие, на пути которого случаются лишь временные откаты. Появились реальные угрозы, масштаб которых поставил организацию перед фактом как минимум длительного периода стагнации. В результате представление о высокой миссии ЕС, которое неизменно стояло за всей историей евроинтеграции, стало размываться. ЕС часто образно описывают как “велосипед”, который должен постоянно двигаться, чтобы не упасть. В настоящее время скорость движения этого “велосипеда” близка к нулю, а, значит, и вся конструкция неустойчива.

¹ О значении лингвистического фактора в мировых делах см.: [“Язык как экономический и политический фактор международных отношений”, 2015].

Серьёзным вызовом будущему ЕС, как и других интеграционных проектов в Старом свете, является переход регионализации из категории процессов, комплементарных глобализации, в категорию явлений, ведущих к её фрагментации. До недавнего времени считалось, что регионализация мира не противоречит, а, напротив, подкрепляет генеральную линию глобализации на всестороннее “стягивание” экономических, социальных, политических и иных пространств. Глубокие противоречия в методологии сочленения региональных интеграций, имеющиеся, например, у России и ЕС, США и Китая, ставят вопрос о пределах глобализации.

В своей истории международные отношения примеряли на себе многочисленные модели развития. Среди них наиболее хрестоматийные: по Гоббсу – “война всех против всех”, по Локку и Миллю – модель “естественного состояния человека” и социального договора; модель европоцентричного концерта держав; модели биполярности и моноцентричности. Наконец, модель многополярности (или иерархической полицентричности)¹.

Что может стать залогом успеха в условиях полицентричности, пусть даже и иерархической? Какие конкурентные преимущества позволят государствам и их объединениям пройти очередной транзит в формационной истории международных отношений, желательно, не только без сдачи своих позиций, но и с увеличением веса на мировой арене? Представляется, что это стратегическое, гибкое мышление, внешняя политика “стратегической глубины” и предсказуемости, адаптивность, коммунитарность в принятии решений, выстраивание “пояса добрососедства” (коалиций и союзов с твоим участием, в крайнем случае – пояса нейтральных стран), “умная сила”, эффективность и привлекательность собственной модели развития, учёт законов “медленной истории”, включая цивилизационный фактор [Никонов, 2015].

Предложенный набор необходимых конкурентных преимуществ поставил бы перед Россией и Евросоюзом важные вопросы об их готовности и способности успешно преодолеть эпоху “большой дестабилизации”.

Список литературы

- Борко Ю.А. (2015) Европейский Союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы // *Современная Европа*, № 3 2015. Институт Европы РАН. М. С. 7–16.
- Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2014 г. (2015) Обзор МИД России. М. С. 3.
- Кременюк В.А. (2015) Уроки холодной войны. Изд. “Аспект Пресс”. М. С. 300–301.
- Лавров С.В. (2015) Сделать мир стабильным и безопасным // *Международная жизнь*. Октябрь 2015 г.
- Никонов В.А. (2015) Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? Изд. “Э”. М.
- Портанский А.П. (2015) Многосторонняя торговая система и перспективы её реформирования. Библиотека ИМЭМО. М.
- Примаков Е.М. (2009) Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. Изд. “Российская газета”. М.
- “Язык как экономический и политический фактор международных отношений”. (2015) Институт латинской Америки РАН.

¹ О тупиках однополярного мира см.: [Примаков, 2009].

Blagden David. (2015) Global multipolarity, European security and implications for UK grand strategy: back to the future, once again // *International Affairs*. March 2015. P. 333–350.

Miller David T. (2015) *Defense 2045. Assessing the Future Security Environment and Implications for Defense Policymakers*. A report of the CSIS International Security Program. November 2015. P. 41–50.

References

Blagden David. (2015) Global multipolarity, European security and implications for UK grand strategy: back to the future, once again // *International Affairs*. March 2015. P. 333–350.

Borko Ju.A. (2015) *Evropejskij Sojuz v XXI veke: tekushhie dela i fundamental'nye problemy // Sovre-mennaja Evropa*, № 3 2015. Institut Evropy RAN. M. S. 7–16.

“Jazyk kak jekonomiceskij i politicheskij faktor mezhdunarodnyh otnoshenij”. (2015) Institut latin-skoj Ameriki RAN.

Kremenjuk V.A. (2015) *Uroki holodnoj vojny*. Izd. “Aspekt Press”. M. S. 300–301.

Lavrov S.V. (2015) *Sdelat' mir stabil'nym i bezopasnym // Mezhdunarodnaja zhizn'*. Oktjabr' 2015 g.

Miller David T. (2015) *Defense 2045. Assessing the Future Security Environment and Implications for Defense Policymakers*. A report of the CSIS International Security Program. November 2015. P. 41–50.

Nikonov V.A. (2015) *Kod civilizacii. Chto zhdjot Rossiju v mire budushhego?* Izd. “Je”. M.

Portanskij A.P. (2015) *Mnogostoronnjaja torgovaja sistema i perspektivy ejo reformirovanija*. Biblioteka IMJeMO. M.

Primakov E.M. (2009) *Mir bez Rossii? K chemu vedjot politicheskaja blizorukost'*. Izd. “Rossijskaja ga-zeta”. M.

Vneshnepoliticheskaja i diplomaticheskaja dejatel'nost' RF v 2014 g. (2015) *Obzor MID Rossii*. M. S. 3.

Formational approach to history of international relations (a view from Europe)

Author. Gromyko A.I.A., Doctor of Political Science, Director of the Institute of Europe Russian Academy of Sciences, President of the Association of European Studies. **Address:** 11-3, Mohovaya Str., Russia, Moscow, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Abstract. The author analyzes the transition period in international relations through the prism of the formation approach. The main characteristic of this period is destabilization. He states that by the beginning of the XXI c. the world became truly global, especially in the market economy sense. However, the new transition period has revived the processes of de-globalization. One of its expression are economic sanctions against Russia, the competitive integration projects, the promotion of exclusive free trade agreements. What is the recipe for success in the conditions of the hierarchic polycentrism? In the author's opinion that will be the strategic thinking, the construction of good neighborhoods, coalitions and unions, the zone of neutral countries, smart power, effective models of development. The necessity of competitive advantages to provide favorable positions in the polycentric world make Russia and the EU to review their capabilities to sustain the period of “great destabilization”.

Key words: international relations, formational theory, globalization, polycentrism, multipolarity, Russia-EU relations.
